

ЧТО ТАКОЕ ДРЕВНЕРУССКОЕ ЛУКОМОРЬЕ? К ЛОКАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Понятие «Лукоморье», широко употреблявшееся в древнерусском языке и перешедшее из него в современный русский и украинский языки, до сих пор не имеет удовлетворительного толкования в науке. Во-первых, *лукоморье* – это нарицательное слово, народный географический термин, обозначающий излучину преимущественно в морском, иногда – речном берегу, залив¹. Сравни, например, с выражением «лука (т. е. изгиб) седла». *Лукоморье* близко к понятию «номорье» или «побережье», с той разницей, что в последних случаях речь идет о любой территории по берегу моря, в нашем же – о территории на берегу моря, которое здесь образует излучину. В отношении нарицательного слова исследователи единодушны и здесь никакой научной проблемы не возникает.

Проблема возникает при определении расположения конкретных «лукоморий», то есть тех случаев, когда слово выступает в качестве имени собственного – топонима (хоронима). Первое из Лукоморий, позднее хорошо известное по западноевропейским картам, располагалось в Северо-Западной Сибири, то ли в районе Обской губы, то ли на побережье Карского моря². Видимо о нем идет речь в летописной легенде, приведенной под 1096 г., об обских уграх (югре): «Югрини же рекоша отроку моему: дивно находихомъ мы чудо, егоже нѣсмь слышали преже сихъ лѣтъ, се же третіе лѣто почя выти, сѣть горы заидѣчи къ лукоморью, имже высота до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкѣтъ горѣ, хотячи высѣчися»³

Другое – где-то в районе Мраморного и Эгейского моря (между Черным и Средиземным морями): «Подохоумъ въ корабль и ходихъ по Лукоморью и пристахомъ ко острову Родос»⁴; «А се естъ путь къ Иерусалиму, отъ Царя града по Лукоморню [вариант: по узкому морю] и дти 300 верстѣ до Великаго моря»⁵.

Наконец, остальные из известных лукоморий располагались в так называемых южнорусских, а точнее, для данного времени – в западно-половецких степях. Его локализация и станет предметом рассмотрения в настоящем исследовании.

Половецкое Лукоморье, либо половцы-лукоморцы упоминаются в четырех летописных сюжетах (в разных летописях – параллельно), а также в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине». В Ипатьевской летописи под 1172 г. (реальная, установленная историками дата события, – 1169 г. – правильно приведена в Лаврентьевской летописи⁶) сообщается, что киевский князь Глеб Юрьевич пошел к Переяславлю, где правил его малолетний сын Владимир, чтобы охранить его от половцев. К другим, корсунским (или, в других летописях, руським), то есть правобережным, половцам он направил послов со словами: «Подождите меня здесь. Я иду в Переяславль. Помирюсь с теми [левобережными] половцами и приду к вам на мир».

Узнав об этом, корсунские половцы не стали ждать князя с мирными предложениями, а обрушились на Киевскую землю, опустошая села, захватывая скот и полон. Тогда Глеб послал на них своего брата Михалка с небольшой дружиной и полутора тысячами берендеев. Михалко догнал основные силы половцев, уходившие с добычей, и дал им сражение: «но Бѣ-мл-твѣю ш-ца его избави ѿ см-рти такоже преже в лѣцѣ морѣ въдахуся с ними крѣпко. и видивше Половци повѣгоша. а наши по нѣх погнаша швы сѣкѣща.

* Шабашов Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, доцент.

ввы имающе. и таша ихъ. рѹками. полѣторы тысячѣ а прочъ ихъ изьбиша. а княза ихъ Тоглыи оутече»⁷.

Имеются различные противоречания друг другу комментарии к этому отрывку. Отметим, что здесь речь идет о половцах, проживавших на правом берегу Днепра и нападавших на правобережные земли Киевской Руси. Здесь впервые упоминается половецкий князь Тоглый.

Трактуя это сообщение, М. А. Андриевский, а вслед за ним В. Г. Федоров, думали, что Лукоморье надо искать в предполагаемом районе этой битвы около Перепетовского поля (недалеко от Киева), а вовсе не около берегов Черного или Азовского морей⁸. М. Н. Тихомиров из этого же текста, напротив, сделал вывод, что «море» «совсем не было чуждо походам русских князей»⁹. По мнению С. А. Плетневой, под этими словами имеется в виду сражение Владимира Мономаха с половцами 1103 на р. Сутин (она же – совр. р. Молочная), которое вспомнилось здесь летописцу потому, что в 1172 г. были побеждены якобы те же лукоморцы, что и в 1103 г.¹⁰ Можно было бы думать, что упоминание Лукоморья в рассказе о победе князя Михалки имеет в виду поход 1170 г., в котором принимал участие и этот князь (тогда разбитых половцев прогнали за Ворсклу). В таком случае именно район р. Ворсклы и Орели мог именоваться Лукоморьем, но тогда, кроме прочего, лишаются смысла другие рассказы летописей, к которым обратимся чуть ниже.

Таким образом, все упомянутые предположения оказываются неубедительными, так как из сравнения текстов летописей, в приложении к рассматриваемому отрывку, по всей видимости, следует лишь то, что некогда в Лукоморье произошло запоминающееся кровавое сражение между русскими князьями и половцами, но о локализации Лукоморья ничего не говорится¹¹. Возможно, что в этом сражении участвовал Михалко и /или те же половцы, что и в битве около Перепетовского поля: князь Тоглый, представители его клана? Но, даже и участие Михалко в памятной битве остается под вопросом, так как из текста летописи остается неясным к чему относится фраза «также как и прежде в Лукоморье» – к чудесному избавлению Михалко от смерти, к ожесточенности сражения или и к тому и к другому вместе.

Другое, пространное летописное сообщение, в котором неоднократно упоминаются Лукоморье и лукоморские половцы, датируется 1193 г.: «Посла Святославъ к Рюрикови река емоу, се ты снималса с Половци с Лоукоморьскими. а нынѣ послемъ по Половци по вса. по Боурчевича. и посла Рюрикъ. по Лоукоморьскиѣ Половцѣ. по Аюуша. и по Итогыла. а Святославъ по Боурчевича. по Усолука. и по Изаса. на Усень. Святославъ и Рюрикъ. снастася к Каневѣ и посла Рюрикъ с-на своего. Ростислава. противу Лоукоморьскимъ. и приведе. Итогыла. и Аюуша к собѣ в Каневѣ. а Боурчевичи приѣхаша по шнои сторонѣ Днѣпра. противу Каневоу. и не ѣхаша на шноу сторону. но рекоша Святославоу и Рюкови ажъ вамъ любо едите к намъ на сию сторону. князи же сдоумавше и рекоша имъ. ни дѣди наши ни шци наши. не ѣздѣли противоу вамъ. ажъ вы годно а ѣдете к намъ. а паки ли не годно вы. а колни есте Боурчевичи же не хоташи дати вилинче. и не ѣхаша. вѣдоутъ бо оу нихъ. колодници. шт Черны Кловоуковъ. и ѣхаша проч а Лоукоморци хотахоутъ мира на Святославъ не оулюби. Рюрикъ же поноуживашъ Святослава на миръ. Святославъ же реч не могу с половиною ихъ миритиса. И тако не оумирншася и поѣхаша во свогаси»¹².

Это сообщение хорошо согласуется с сообщением 1169-1172 гг. Половцы четко разделяются на правобережных лукоморских, действующих на город Канев, расположенный на правом берегу Днепра, во главе которых стояли Акули и уже упоминавшийся Тоглый (варианты имени в разных летописях и их редакциях: Итоглый, Тоглый, Товлый, Тоглий, Толый, Туглий). Нет сомнений в его тождестве с Тоглием, который убежал после поражения половцев в 1169 г. А также – на левобережных бурчевичей (один из наиболее влиятельных из родов половцев, расселившихся на левом берегу Днепра)¹³, во главе с Осолуком и Изасм. Причем левобережные бурчевичи отказались ехать на правый берег реки в

Канев, а с одними лукоморскими половцами (половиной всех половцев) Святослав не захотел мириться.

В этом сообщении видится даже намек на существование в половецкой конфедерации (конечно же, отдавая отчет в том, что она была очень слаба и, скорее, носила чисто формальный характер, как, например, жузы казахов, которые никогда не имели общего правителя или какое-либо другое общее руководство), как и у многих других кочевых тюркских народов, двухкрыльевой (двухполовинной, вспомним выражение летописца, вложенное в уста князя: «не буду с половиной их мириться») структуры, т. е. деление кочевой группировки на два крыла: левое и правое. Причем часто границей кочевий крыльев у тюркских народов были крупные реки. Кстати, тех же предшественников половцев в степях Причерноморья и Приазовья – печенегов – Константин Багрянородный делит на 8 родов, четыре из которых (вероятно, одно из крыльев) «расположены по ту сторону Днепра по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алалии...» и четыре (вероятно, – другое крыло) «по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям...»¹⁴

Акуш (Якуш) и Тоглыи упоминаются и в предыдущие годы – в 1190-1191 гг. и, что для нас наиболее важно, всегда в связи с событиями на Правобережье Днепра. Так, осенью 1190 г. князь Святослав схватил по наговору торческого князя Кунтувдея. Несмотря на то, что ситуация вскоре прояснилась и Кунтувдей был отпущен, последний не простил обиды и переметнулся к половцам, прибыв на службу к Тоглыю. Половцы обрадовались этому, и, водимые Кунтувдеем, стали совершать нападения на Поросье (по правому берегу Днепра): город Чюрнаев, по рекам Висях, город Боровой и собственно на местности по реке Рось¹⁵.

Зимой и весной 1190-1191 гг. повторились нападения Тоглыя, Якуша и Кунтувдея на Поросье¹⁶. Наконец, зимой 1192-1193 гг. половцы выдали Кунтувдея князю Рюрику, который не только не стал наказывать его, а, восхищаясь его мужеством, напротив, наделил его городом Дверен на реке Рось¹⁷. Видимо, об этой же группировке половцев под 1192 г. говорится, что они поехали (в поход) на Дунай¹⁸.

Другая группа сообщений, где упоминается Лукоморье, восходит к описанию неудачного похода русских князей на половцев, легшего в основу сюжета знаменитого «Слова о полку Игореве». Их можно разделить на летописные и художественные. Летописные сообщения восходят к тексту Лаврентьевской летописи, в которой под 1186 г. сообщается, что русские князья – Ольговичи, совершая сепаратный от других князей поход на половцев, после первых военных удач, начали пировать и похваляться: «а рекуще брати наша ходили с С-тославомъ великим князем. и билса с ними зра на Переяславль. а они сами к ним пришли а в землю ихъ не смѣли по нихъ ити. а мы в земли ихъ ксмы. и самѣхъ избели а жены ихъ полонены. и дѣти оу насъ. а нонѣ поидемъ по нихъ за Донъ. и до конца извьемъ ихъ. шже ны бѣдетъ тѣ повѣда. идем по ним и лѣкѣ моря. гдѣ же не ходили ни дѣди наши. а возмем до конца свою славу и чть»¹⁹, но, вскоре, потерпели катастрофическое поражение.

Практически идентичное сообщение имеется под этим же годом в Московском летописном своде: «А еще поидем за ними за Дон и до конца извьемъ их, и аще бѣдетъ намъ тѣ на нихъ повѣда, то идемъ по нихъ и до лѣкоморна, идѣ же не ходили ни дѣди наши, да возмемъ си до конца свою честь и славу»²⁰.

И в «Книге степенной»: «Бгда же сему позавидѣша Ольгови кнѣзцы, и кромѣ Всеволожа повелѣнїя, ѹповающе совою, идоша на Половѣцы и многѣ сотвориша повѣдѣ и за Донѣ ѹстремившася въ самыя лѣки моря, хотѣюще до конца поведити ихъ, завывшее Божїе строенїе, яко же нѣгде пишеть: никто же ѹповая совою спасеться и в лѣкоморїе словохотїемъ придоша и сами отъ Половецъ поведишася и везъ вѣсти выша»²¹.

Таким образом, Лукоморье здесь представляется некоторой землей на краю света, за Доном, где никогда не воевали русские князья. Сам Дон представляется окраиной Половецкой земли, «идти за Дон» – высшая степень победы Руси над половцами, выше чего только поход на неведомое Лукоморье.

Еще более туманны образы «Слова»: «А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже (Святослав): и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ грудициъ Святъславли»²². В «Задонщине», как известно, восходящей во многих своих образах к «Слову», «поганые» «скрежеца зубами и раздирая свои лица» бегут в некое Лукоморье «неуготованными дорогами»: «Тѹто поганые разлѹчишася розно и повѣгше неуготованными дорогами в лѹкоморье, скрегчюше зѹбами своими, и дерѹци лица своя»²³.

Наконец, еще одно упоминание Лукоморья связано с монгольским нашествием. Под 1223 г. сообщается: «И приидоша на землю Половецкѹю. Половцем же ставшимъ. а Юрьи Кончаковичъ вѣ волюше встѣхъ Половецъ. не може стати противѹ лицѹ имъ. вѣгаючи же емѹ. Половци же не могоша противитиса имъ повѣгоша. до реки Днѣпра безбожнии Половци. а иныхъ изгна поднѹ [в софийской 1-й летописи: по дону]. и в лѹкъ моря. и тамо изомроша оубиваемі гнѣвомъ Б-нимъ»²⁴.

Этот отрывок также не дает ответа на вопрос о локализации Лукоморья. Вроде бы, фраза: «в луку моря» стоит после «изгна по дону», в связи с этим возникает мысль, что Лукоморье располагалось где-то за Доном, но перед этим отмечается, что бежали половцы и до Днепра, так что может подразумеваться, что в Лукоморье монголо-татары загнали и только первую, и обе части половцев – и тех, которые бежали до Днепра, и тех, которых гнали по Дону. При таком понимании, Лукоморье может находиться где угодно на западе от Днепра. С другой стороны, возникает впечатление, что здесь вообще идет речь о некоем «тартаре», землях на конце света, дальше которых загнать уже нельзя, где половцы и вымерли «убиваемые гневом Божиим».

Таким образом, имеем противоречивые данные. Лукоморье – земля, в которой обитают половцы. Она расположена у изгиба моря (у морского залива), судя по самой этимологии слова. Она расположена на Правобережье Днепра. По другим данным – где-то за Доном. Эта земля очень плохо известна на Руси. Она постепенно, от летописных сообщений – к «Слову», а затем – к «Задонщине» – все больше приобретает легендарные черты. Выбраться из этих противоречий не удалось большинству исследователей, поставивших перед собой задачу локализовать половецкое Лукоморье.

Н. Барсов и М. Груневский считали Лукоморьем низовья Днепра²⁵. В. И. Новицкий определял его между нижним Днепром и западным берегом Азовского моря²⁶. Ф. К. Брунн видел в нем берег Азовского моря вообще²⁷. Более близкий к современности автор С. А. Плетнева – локализует Лукоморье весьма неопределенно: «Определить точное расположение Лукоморья довольно трудно. Однако есть данные говорить о том, что кочевья Лукоморцев располагались по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра, поднимаясь до «Протолчи» и Хортицы». Не ясно, о каких излучинах здесь идет речь, но на приводимой в том же исследовании карте «лукоморские» (половцы) обозначены к северу от Крыма между Днепром и северо-западным побережьем Азовского моря²⁸.

Главной ошибкой многих из упомянутых авторов считаем попытку совместить несовместимое – Донско-Азовскую и Правобережно-Днепровскую локализацию Лукоморья, которое лукаво помещается между тем и другим регионом, причем их не смущает, что здесь, по сути, никакого лукоморья (морского залива) нет. К верной локализации Лукоморья подошел, на наш взгляд, пожалуй, только известный исследователь истории половцев – Д. Расовский. Кажется, только он говорит о двух Лукоморьях, первое из которых он размещает на северо-восточном побережье Азовского моря, а второе (точнее,

не само Лукоморье, а кочевья лукоморских половцев) – от черноморского побережья до южных границ Киевской Руси на правобережье Днепра²⁹.

По нашему мнению, анализ имеющихся в древнерусских источниках сообщений позволяет говорить о существовании двух или даже трех Лукоморий. Одно из них, историчное, так как упоминается в достаточно ясном контексте, в связи с конкретными событиями, располагалось на северо-западном побережье Черного моря, привязываясь к Одесском заливу. Известно, что кочевники располагали свои зимовья на юге, в данном случае – на морском побережье, где была более мягкая зима и вообще более благоприятные условия для зимовки скота. Летом лукоморские половцы откочевывали на север, в лесостепь, где лучшие источники воды и лучшие корма для скота в засушливый период года, подкочевывая к границам Киевской Руси. Трудно сказать, включало ли лукоморское объединение всех половцев, расселявшихся от Дуная до Днепра, но, во всяком случае, в период его расцвета во второй половине XII в. в него входила большая часть правобережных половцев (именно так – в Черноморской Луке между Дунаем и Днепром – локализует Лукоморье К. В. Кудряшов³⁰). Как было сказано, труднопроходимый для кочевников в то время Днепр, скорее всего, был естественной границей различных половецких группировок.

Второе, донское Лукоморье следует определить в районе Таганрогского залива. А третье – мифическая, воображаемая страна, расположенная где-то в конце мира (не случайно, А. С. Пушкин использовал этот образ в своей поэме «Руслан и Людмила»!). Впрочем, считаем вполне возможным, что никакого реального, историчного «второго» Лукоморья не было, и в тех случаях, когда оно упоминается вместе с названием реки Дон, речь идет именно об этой мифически-легендарной земле. В «Задонщине» совершенно очевидно речь идет не о конкретной территории, а о некоем образе. В отрывке «Слова», где упоминается Лукоморье, также отсутствует какой-либо историчский контекст. В летописных сообщениях, в уста князей вкладывается фраза, содержание которой не определяется привязкой к конкретной местности, а символизирует полную, окончательную победу над половцами: до конца изобьем половцев за Доном, а если и здесь победим, то пойдем на них туда, куда даже наши деды не ходили – в Лукоморье, – так можно истолковать этот сюжет³¹.

Дон также не выступает здесь как реальный географичский объект, и, кстати, Лукоморье, согласно представлениям древнерусских авторов, находится не за Доном, а где-то еще дальше, куда планировали свои походы русские князья, после разгрома половцев на Задонщине! (А что было дальше Задонщины?!) Достаточно вспомнить лишь некоторые отрывки из «Слова», где упоминается Дон, символизирующий полноту славы русского оружия: «Братіе и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти, а *всядемъ, братіе, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону*»; «Спала князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити *Дону Великаго*»; «Хощу бо, – рече, – копіе приломити конецъ поля *Половецкаго*, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити *шеломомъ Дону*»; «А половци неготовами дорогами *побѣгоша къ Дону Великому*»; «Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ *потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго*»³².

В науке существует и такое расширительно-поэтичское понимание Лукоморья, когда оно отождествляется в целом с морем и великим Полем Половецким³³. Близок к этому пониманию и Б. М. Гаспаров, когда пишет, что «половецкая земля не имеет дискретного пространства. Она выступает в качестве стихии – моря, поля и «великой реки» (Дона или Волги)»³⁴. Но, важно подчеркнуть, что здесь речь идет о Лукоморье «Слова», «Задонщины», и, возможно, летописных рассказов о походе 1185 г. князя Игоря, но не о Лукоморье на правобережье Днепра, которое вполне исторично!

Остается не ясным, почему в образе мифической страны выступает именно понятие «Лукоморье»? Можно предположить, как гипотезу, что это связано с практической неизвестностью земель исторического Черноморского Лукоморья в Киевской Руси. Летописи достаточно хорошо знают территории Половецкого поля, непосредственно примыкающие к Древней Руси (тем более, что границы были неустойчивыми – то уходили дальше в степь, то сжимались вблизи исторических южнорусских центров – Киева, Переяславля, Чернигова), известен был им и водный путь по Днепру в Черное море и дальше. Рассматриваемая же территория – белое пятно в древнерусской географии, практически всякие упоминания об этих землях в древнерусских сочинениях отсутствуют.

Впрочем, на такую роль может претендовать и Приазовское Лукоморье. В этой связи можно вспомнить, что на Таманском полуострове существовал город и русское княжество Тмутаракань. К рассматриваемому времени (вторая половина XII в.) княжество уже давно исчезло, а его территория отошла под власть других держав. Но, в русской разговорной речи слово *Тмутаракань*, являясь квазитопонимом, ассоциируется с чем-то недосыгаемо далёким и неизвестным, сродни *за семью морями, неизвестно где* – обычно с пренебрежительным оттенком – как синоним слова «глушь».

Другой фактор, который способствовал переосмыслению реального топонима Лукоморье в квазитопоним, это – образная связь моря и далеких стран. Может быть, имела место и контаминация с Обским (Сибирским) Лукоморьем – также окутанными легендами самыми северо-восточными территориями на земле известными в то время на Руси.

Подводя итоги, можно прийти к выводам, что древнерусский оним *Лукоморье*, в контексте половецких земель, обозначал, во-первых, область в Черноморской Луке, иначе – Северо-Западное Причерноморье, в которой расселялись половцы. Во-вторых, возможно, область вокруг северо-восточного побережья Азовского моря (Таганрогский залив) – твердых аргументов в пользу последнего предположения, впрочем, нет. И, наконец, как квазитопоним, мифопоэтический образ далекой и неведомой страны.

В заключении хотелось бы также высказать гипотезу о том, что «Лукоморье» является калькой тюркского названия. Хотя прямых доказательств в пользу заимствованного характера этого топонима и нет, уже то, что «Лукоморье» связывалось именно с территорией расселения половцев, делает такое допущение возможным. Тюркские народы, осваивая хорошо знакомые им степные ландшафты, близкие к таковым на их прародине, в результате этнических контактов способствовали постепенному обживанию этих территорий и славянами, чей исконный ареал связан с лесной и лесостепной полосой Восточной Европы.

Не случайно, едва ли ни большинство рашских по происхождению топонимов Северного Причерноморья и Приазовья, вошедших в славянские языки, составляют тюркские названия (наряду с более значимыми, но менее многочисленными иранизмами; Днестр, Днепр, Дон). Известен в славянских языках и топоним *Самара* = тюрк. *самар* «лука, излучина» (окончание женского рода *-а* связано со славянской тенденцией к феминизации названий рек) – река на Левобережье Днепра и излучина на Средней Волге – *Самарская Лука*, отсюда же и название города – *Самара*. Исходя из этого, можно предположить, что источником древнерусского *Лукоморья* могло быть тюркское **Самар-Тенизи* или подобная фонетическая форма.

С другой стороны, позднее здесь же было известно такое тюркское название региона, как *Буджак*, с близким значением – «угол». Под Буджаком в ногайско-турецкий период истории Северного Причерноморья (как название историко-этнографической области оно сохранилось до сих пор) подразумевалась территория южной, степной части Груто-Днестровского междуречья, с юга ограниченная Дунаем, с юго-востока – Черным морем, а с севера – границей степи с лесостепью. Таким образом, название Буджак обозначало юго-западную половину предполагаемой территории Лукоморья. До сих пор

25. См.: *Расовский Д.* Половцы. III. Пределы «Поля Половецкого» // *Анналы Института имени Н. П. Кондакова.* – Т. 10. Сборник статей в честь А. А. Васильева. – Прага, 1938. – Примеч. к с. 160-161.
26. *Новицкий В. I.* Давнс Лукомор'я // *ЗІФВ.* – 1929. – Т. 24. – С. 51.
27. *Брун Ф. К.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // *ЗНУ.* – 1879. – Т. 28. – С. 178-179.
28. *Плетнева С. А.* Половцы. – С. 150, 149, также с. 69, 103, 147-151; о локализации Лукоморья см. также: *Багаей Д. И.* История Северской земли до половины XIV столетия. – К., 1882. – С. 251; *Семенов М. С.* Ростов-на-Дону и восточная часть Новороссии // *Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского.* – Т. 14. – СПб., 1910. – С. 895; *Кудряшов К. В.* О местоположении половецких веж в северном Причерноморье в XII в. // *ТИЭ: Новая серия.* – Т. 1. – М.-Л., 1947. – С. 106-109; *Пушик С.* Де князь Святослав схопив хана Коб'яка? // *Західний кур'єр.* – 1991. – 22 серпня. – № 64 (150). – С. 6, а также работы упоминаемые ниже.
29. *Расовский Д.* Половцы. – Примеч. к с. 160-161; *Расовский Д.* Половцы. IV. Военная история половцев // *Анналы Института имени Н. П. Кондакова.* – Т. 11. – Белград, 1940. – С. 169, 174-175.
30. *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. Очерки исторической географии. – М., 1948. – С. 134.
31. Московский летописный свод конца XV века. – С. 92.
32. Слово о полку Игореве. – С. 9-10.
33. *Лонгинов А. В.* Историческое исследование сказания о походе князя Северского Игоря Святославича на половцев в 1185 году. – Одесса, 1892. – С. 217, 225.
34. *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». – Вена, 1984. – С. 144.